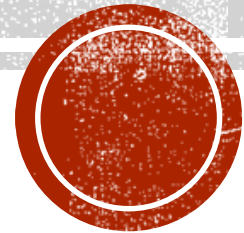

Николай Семашко –
выдающийся деятель
отечественного
здравоохранения

К 150-летию со Дня рождения

В Российской империи не было министерства здравоохранения. Казалось бы, в такой огромной стране обеспечение здоровья — задача как раз министерского уровня. Но с начала XIX в. её решал медицинский департамент, который работал в структуре Министерства внутренних дел, а потом и вовсе перешёл в Министерство полиции.

Николай появился на свет 20 сентября 1874 года в семье учителя, Александра Севериновича. Мать в девичестве носила фамилию Плеханова и являлась родной сестрой первого отечественного марксиста Георгия Плеханова. Соответственно, её сын приходится «старейшему солдату революции» племянником.

Учился Николай в Елецкой гимназии вместе с будущим классиком отечественной литературы Михаилом Пришвиным, которого отчислили за дерзость учителю географии — будущему классику отечественной философии Василию Розанову.

«В последних классах гимназии у нас уже образовался подпольный кружок для чтения запрещённой литературы. Книги эти: Н. Г. Чернышевского “Что делать?”, сочинения Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского были изданы легально, только читать их гимназистам запрещалось», - вспоминает Николай Александрович.

Юных подпольщиков накрыли. К счастью, всё обошлось — только Семашко, будучи лучшим учеником гимназии, «пролетел» мимо золотой медали. Однако от своих взглядов не отказался.

Студент-медик четвертого курса Московского университета Николай Семашко в 1895 году был арестован, провёл три месяца в заключении и ещё два года — в ссылке на родине под гласным надзором полиции. В довесок — запрет на проживание в Москве и Петербурге. Доучивался в Казанском университете, да и там имел все шансы «пролететь» мимо диплома, поскольку в 1901 году его поймали на демонстрации и после месяца заключения запретили проживать в городах, где есть университеты.

Семашко всё-таки получил диплом и в 1901 году стал земским врачом-эпидемиологом Самарской губернии. Для него сделали исключение — уж очень паршивой была там эпидемиологическая обстановка: *«Лихорадки, сыпной и возвратный тиф, дифтерия и оспа имеют циклическое распространение»*. Молодого врача допустили к испытательному сроку в три месяца.

Молодой специалист полностью ликвидировал эпидемию дифтерии на Орлово-Гайском участке. Он устроил дело так, что почти вся экспериментальная партия в 15 370 ампул первой партии новейшей противодифтерийной сыворотки из Москвы была отправлена в Самарскую губернию.

В ноябре 1901 года в деревне Александрия выявили вспышку бубонной чумы. Селение подлежало сожжению. Но молодой врач-эпидемиолог, пробиваясь через военно-полицейские кордоны, всё-таки приехал туда. И обнаружил, что свирепствует не чума, а сибирская язва. Семашко удалось пресечь эпидемию в кратчайшие сроки — вот его сообщение в Губернскую земскую управу: *«В дер. Александрия заболевания сибирской язвой между людьми за декабрь месяц не было»*. Карантин сняли, деревню спасли от уничтожения.

Самарский губернатор в январе 1902 года издал приказ: *«Бывший студент Казанского университета Семашко не может быть допущен на службу в губернское земство»*.

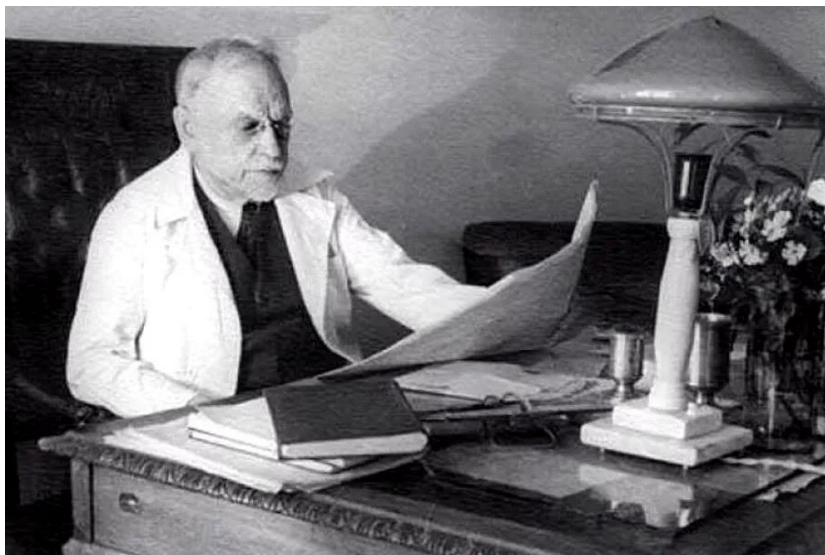

Сам Николай Александрович вспоминал об этом так: *«Мои три месяца истекли, я получил бумагу, что не имею более права жить в Самарской губернии. Так меня отметили и отблагодарили. Пришлось вновь сниматься с якоря и пускаться в плавание по бурному житейскому морю»*.

Семашко, заработавший по итогам девятимесячного тюремного заключения 1905-1906 годов туберкулёз, вышел под залог и эмигрировал. Но и в Швейцарии в 1907 году его снова арестовывают по представлению жандармерии Российской империи — дескать, он готовил экспроприацию Тифлисского банка. От него отступился даже родной дядя Георгий Плеханов. Семашко примкнул к большевикам. Владимир Ленин, будучи профессиональным юристом, добился освобождения своего соратника.

Переехав вместе с Лениным в Париж Семашко стал членом ЦК РСДРП. Но оставался, прежде всего, врачом. С 1908 по 1912 год работал в «Новой русской школе», основанной в пригороде Парижа: *«Я преподавал гигиену и был воспитателем. Ребята были славные, главным образом дети эмигрантов. Но были и ребята из России. Среди учеников был и Максим Пешков, сын А. М. Горького».*

С 1912 года Семашко бросил всё и уехал в Сербию — разгорелась Первая Балканская война, и Семашко возглавил госпиталь в городе Парачин. Врачом он остался и во время Первой мировой — до тех самых пор, пока в 1915 году Сербия не была оккупирована. Семашко вновь угрожал арест — на этот раз уже просто как русскому. Но его спасла невероятная популярность среди местных жителей — врачом он действительно был превосходным.

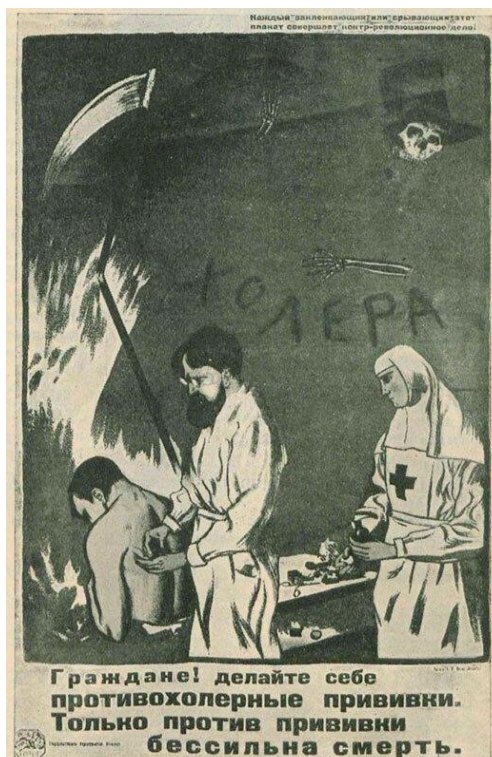
В 1918 году Совет народных комиссаров выпустил декрет «О Народном комиссариате здравоохранения». Возглавил его Николай Семашко.

Семашко, пользуясь почти неограниченным кредитом доверия Ленина, создал уникальную систему здравоохранения. В её основу он положил принципы централизации, не предполагавшие никаких платных услуг. Это та самая общедоступная медицинская помощь на всех уровнях — от деревни до столиц, от первичного приёма у врача до стационара и санаторного лечения, с особым акцентом на охране материнства и детства. Упор делался на профилактику, вакцинацию, гигиену, ликвидацию социальных основ болезней. Боролись с венерическими заболеваниями, туберкулёзом, алкоголизмом и т. д. И результаты были: к началу Второй мировой смертность от туберкулёза в СССР сократили в три раза по сравнению с дореволюционным уровнем.

Частной медицины не стало, а государственная действовала в условиях чёткого планирования. Практически на всей огромной территории страны стала доступна медицинская помощь: от фельдшерско-акушерского пунктов до больниц. К 1929 году по всей стране было около 250 тыс. больничных коек, что на 40% превышало показатель 1914 года.

В сентябре 1921 года в Петроград прибыла делегация немецкого Красного Креста, в октябре — санитарный пароход «Тритон», затем немцы собрали и отправили в Россию специальный санитарно-питательный поезд. А эпидемиолог Хайнц Цейсс даже остался в СССР, где стал заведующим всесоюзной микробиологической коллекции живых культур. Советские врачи достаточно активно принимали участие в эпидемической комиссии Лиги Наций, Наркомздрав приобретал за рубежом научную литературу и оборудование.

В 1930 году Семашко оставил свой пост в Наркомздраве. Под его руководством работала Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия) при ВЦИК. При нём началась систематическая помощь голодающим детям и их эвакуация в районы страны, где снабжение продовольствием было лучше. Понимая основные причины бегства из детских домов и интернатов, он настаивал на том, чтобы разделять детей: малолетних преступников помещать отдельно, больных отделять от здоровых. Во многом благодаря ему удалось создать целую сеть детских домов, интернатов, детских трудовых коммун, решавших проблему беспризорников.

Продолжил эту работу он и после войны, когда вплотную занялся вопросами школьной гигиены. Благодаря Семашко в советские времена в каждой школе был свой врач. Он жил в полном соответствии со сформулированным им же правилом для врачей: *«Во-первых, учиться, учиться и ещё раз учиться... Во-вторых, добросовестно относиться к своим обязанностям, в особенности — к больным... И, наконец, в-третьих, и лечебнику, и санитарному врачу нужно быть врачами-общественниками, то есть служить на благо обществу».*

Советскую систему в XX столетии взяли на вооружение во многих странах мира, начиная с Великобритании — англичане даже не скрывали, что действуют по лекалам Семашко. А бостонский профессор Майкл Филд в 1967 году вообще полагал, что советское здравоохранение — главный козырь СССР в холодной войне.

Сегодня есть несколько так называемых «классических» схем, по которым строится государственное здравоохранение. Но только три из них известны всему миру под именами своих создателей: Бисмарка, Бевериджа и Семашко. Эффективность системы Семашко взяли на вооружение в Исландии и Южной Корее, Тайване и Великобритании, на Кубе и в странах ЕС.

Имя Семашко носят поликлиники, больницы и научные институты. Наверное, мало кто сделал для развития советского здравоохранения больше, чем его первый нарком.

